

Подари мне чудо

СОВРЕМЕННЫЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ И СВЯТОЧНЫЕ СЮЖЕТЫ

Светлые дни Рождества Христова! Храмы и дома украшены елочками, за окном метель. Свитер, горячий чай с корицей, сумерки... Самое время почитать.

Книга, которую вы держите в руках, продолжает лучшие традиции классического рождественского и святочного рассказа, традиции Диккенса, Гоголя, Лескова, Достоевского, Чехова и Куприна. При этом наши авторы не повторяют художественные открытия классиков, но обновляют их с учетом реалий современной эпохи. Так было не всегда.

Еще совсем недавно Рождество Христово даже не упоминалось в открытом информационном пространстве. Казалось, что этот праздник успешно вытеснен из сознания и обрядов современного человека, предан забвению, как и страна, в которой он почитался, — Царская Россия. Вместо него активно утверждался Новый год с нарядной елкой, боем курантов, салатом оливье и фужером шампанского. И вот, спустя почти сто лет, жанр рождественского рассказа вновь возрождается. Заявляет о себе ярко и самобытно.

Начиная с 2005 года в разных издательствах выходило несколько сборников современных святочных рассказов. Но содержание нашего сборника их не повторяет, что свидетельствует о стремительном развитии жанра, возможно даже, о его новом расцвете, а также о глубоких переменах в недрах российского общества. Именно сейчас открываются новые имена, сюжеты и творческие горизонты.

До сих пор литературоведы не пришли к одному мнению, чем же отличается «рождественский» рассказ от «святочного», существует несколько разных концепций. Предполагается, что для обоих видов повествования характерны преобразование жизни и чуда. Но сюжет рождественской истории более строг и лиричен, по своей стилистике он может напоминать традиционный психологический рассказ, события которого приурочены к празднику Рождества. Действие святочной истории происходит на святках, в период от Рождества Христова до Крещения Господня. Как правило, это увлекательное повествование с элементом неожиданного развития событий.

Иисус Христос, родившись в тесной и темной Вифлеемской пещере, был слабым и беззащитным Младенцем. Ребенком, который засыпает на руках матери, делает первые шаги, плачет и смеется, удивляется, трогает впервые спинку мурчащего кота... Рождество — это о ребенке и для детей в первую очередь. Именно поэтому герои многих рождественских рассказов — дети. В рубрике «Родом из детства» Владимир Крупин вспоминает семейные традиции празднования Рождества, а Светлана Молчанова наблюдает за тайной жизнью елочных игрушек. Перед нами своеобразная антология исторических символов: ведь каждая игрушка содержит черты и приметы своего времени, отражает мировоззрение того или иного поколения. Как много о жизни и нашем прошлом может рассказать украшенное деревце, если внимательно на него посмотреть...

Но вот на елке зажигаются огни, и наступает волшебный вечер. Рассказывать сказки святочными вечерами — многовековая традиция. И об этом мы тоже позаботились. Специальная рубрика «Рождественская сказка» содержит трогательные и одновременно веселые истории от Дмитрия Володихина и Виктории Балашовой.

Еще один вариант детской темы выражен типологическим сюжетом «страдания детей». Кто не помнит замерзающую девочку со спичками или несчастных сирот из сюжетов русской литературы XIX века! Пока в теплых домах вокруг елки веселятся наряженные дети из богатых семей, по улице бредет маленькая нищенка, и метель сбивает ее с ног... Этот сюжет прочно сохраняется и в творчестве современных авторов, правда, в слегка измененном варианте. Теперь чаще можно встретить историю о больном ребенке, который на Рождество чувствует облегчение, а также сюжеты про детский дом и усыновление — как, например, в рассказах протоиерея Николая Агафонова и Людмилы Семеновой, молодого писателя и мамы шестерых детей.

Если мотив, связанный с детским страданием, продолжает давнюю традицию, то художественные образы рубрики «История одной любви» стали актуальны для рождественского рассказа именно сейчас, в наше время. Само знакомство, возможность встречи близкого человека, воспринимается как чудо. Рождество же и святки — время чудес. Из огромного количества рассказов такого типа мы отобрали лишь две небольшие истории.

Но знакомство — это лишь краткая искра, золотисто вспыхнувшая на жизненном пути. Поэтика жанра не предполагает возможности заглянуть в перспективу, не можем мы определить и результаты так называемой «счастливой встречи». Однако это не значит, что многообразие жизни ограничено строгими рамками, сотканными из литературных клише.

Произведения рубрики «Святочная повесть» вновь вернут нас к праздничным гуляниям и искрометному веселию. Повесть Олеси Николаевой «Ничего страшного» представляет собой классику жанра святочного рассказа. Будет и смешно, и страшно, и поучительно. И очень увлекательно — так, что дух захватывает при чтении, словно несешься на санках с высокой горы.

Законы духовной жизни едины, что тогда — то и сегодня. Можно искусственно прервать преемственность традиций. Разорвать единую художественную линию и торопливо заткнуть кляпом постмодернизма. Но удивительным образом все вновь срастается, любимые старинные жанры обновляются, и вот уже современные авторы говорят, и пишут, и прославляют родившегося Христа. Снег летит над городами и селами, весело поют дети. И возле храма мерцает увитый гирляндой вертеп...

*Анастасия Чернова,
кандидат филологических наук,
член Союза писателей России*

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Владимир Щербинин

Вечность Рождества

Ударит колокол в конце вечерни на Сочельник, и торжественно явится из алтаря в сопровождении духовенства икона Рождества Христова. Мы преклоним перед ней колена, облобызаем святыню с большим благоговением и отойдем домой до повечерия, храня в сердце искру божественной радости. Самое время поразмышлять: что же есть икона Рождества, в чем ее тайны и глубина необозримая.

Большинство православных христиан не обращает внимания, что полагается на аналой — икона или живописный список с итальянских образцов. Но так быть не должно! Слишком далеко разошлись пути между восточным и западным христианством за тысячу лет, слишком велика разница в восприятии мира земного и мира духовного.

Как заметил однажды епископ Василий (Родзянко), все дело здесь в восприятии вечности. Западные христиане понимают вечность как бесконечно длящееся время,

мы же следуем учению каппадокийцев, утверждавших, что в вечности времени нет совсем. Это различие четко проявляется на примере церковной живописи. Западные художники обращаются на две тысячи лет назад в Вифлеем, пытаясь во всех тонкостях воссоздать атмосферу бедной пещеры, где родился Младенец Христос. Они с любовью выписывают солому в яслях, животных, склонившихся над Новорожденным Марию и Иосифа. Это наш земной трехмерный мир. Все очень умирительно, тепло, достойно и понятно.

В греческой, русской или сербской иконе Рождества на первый взгляд не понятно ничего. Во-первых, здесь нет хлеба и никаких других зданий, обозначающих Вифлеем, — одни только поросшие кустарниками и травой горы. Богоматерь возлежит прямо на земле на белом или красном покрывале.

Здесь времени нет, поэтому все происходит одновременно: и ангелы поют осанну, и пастухи, запрокинув головы, взирают на Звезду, и волхвы скачут на конях за этой же Звездой, а иногда еще приносят Младенцу свои дары. Здесь же Иосиф склонился в сомнениях, и волхв перед ним в ризах кожаных как символ Завета Ветхого; и овцы пьют воду из озера и жуют траву. А Сам Христос, как правило, в двух ипостасях: возлежит в яслях в пещере и одновременно сидит на руках повивальной бабки.

И тут возникает первый зрительный диссонанс.

Бог богов приходит в мир, запеленутый в белую плащаницу. Он одиноко лежит в яслях, которые больше напоминают гробик. Это чувство становится острее, когда мы видим образ Рождества в праздничном ряду

иконостаса и замечаем невольную переключку с иконой «Положение во Гроб». Ясли с Младенцем неизменно изображаются на черном фоне пещеры, а черный цвет в иконе всегда обозначает ад.

Почему так? Да потому, что Небесный спускается на бrenную землю, Невместимый помещается в тесных яслях для скота. Рождество — это для нас, человекoв, жизнь и радость, а для Него, Бессмертного, — смерть. Он из вечности, из недр Отчих, приходит в черную и тесную пещеру этого мира, чтобы страдать, испытывать боль и жажду и умереть как простые смертные. Пастухи играют на свирелях или смотрят на небо, Иосиф в своих переживаниях не видит ничего, волхвы всё скачут и скачут на своих конях. Только мул и вол да ангелы точно знают, Кто находится в этих яслях, и поклоняются Ему.

И здесь мы видим еще одну странность.

Обычно мать не может отвести взгляда от новорожденного, а на иконе Рождества Богоматерь чаще всего изображается отвернувшейся от Сына.

Почему?.. Да потому что Она единственная точно знает, что в этой немощной плоти заключается Творец всей твари. По смирению своему Она не смеет даже взглянуть на Него, прикоснуться к Нему руками. И только бабка повивальная в простоте своей берет Его на руки, купает и пеленает. Блаженная!.. И открывается нам: это не просто изображение некогда случившегося в Палестине события.

Христос рождается — тогда, сейчас, всегда — в вечности, для всех народов и для всякой души в отдельности. И горы эти мало похожи на Вифлеемские холмы — это же

образ всей Земли, всей материи. Бог рождается на нашей планете для всех народов во все времена, снисходя в потемневшую от греха пещеру нашего мира, чтобы вернуть каждому из нас надежду и свет.

И уступы гор — ступени лестницы, ведущей от земли на небо и обратно. По ней свободно спускаются к людям ангелы Божии, а люди могут теперь, приложив усилия, подняться до самых Небес, туда, где вечно сияет неприступный и сладчайший свет.

Христос с Небес — встречайте! Христос на земле — радуйтесь и ликуйте! Христос везде и всегда с нами — обратитесь к Нему!

Вот о чем говорит мне икона Рождества в сей день...

Константин Ковалев-Случевский

Рождественский Чудотворец

(ЗАМЕТКИ ИСТОРИКА-КУЛЬТУРОЛОГА)

*...Чтобы дары пребывали <хранимые>
благодарением к Благодетелю.*

Св. Петр Дамаскин, XII в.

Нынче на Западе и на Востоке во время рождественских и новогодних торжеств главным героем является святой Николай, тот самый — епископ Мирликийский, под именем Санта Клаус (Santa Claus). Ожидание праздника, подарки, сказочная атмосфера — все это без Санта Клауса, можно сказать, и не происходит. Так уж повелось в последние столетия. Теперь уже и в России, которая, правда, все еще прочно находится под влиянием и гипнозом внедренного при советской власти языческого Деда Мороза с его неизвестно откуда взявшейся «внучкой» — Снегурочкой. Ведь у Снегурочки, ежели она

внучка, должны были быть родители, то есть — дети Деда Мороза! А у того, естественно, должна была быть жена! Где все эти родственники, кто они? «Неважно», — отвечают прагматики. Детям хорошо, забавно — ну и ладно!

Однако еще в дореволюционной России, хоть и не повсеместно, вошел в обиход добрый рождественский дедушка святой Николай. Но теперь о нем забыли. Как и забыли о том, что с его именем праздновали именно Рождество Христово, а не Новый год, где у нас прочно «прописался» Дед Мороз. Произошла замена в торжествах не только реально существовавшего святого на вымышленного персонажа, но самих праздников и их смыслов.

Правильнее писать Санта Клаус без дефиса (Санта-Клаус). Слияние воедино искажает смысл, принижая значение понятия «санта» — «святой». Это важное само по себе слово. Оно существует независимо. И не может быть просто приставкой к имени.

В Европе и Америке нынче вместо полного имени «Санта Клаус» употребляют упрощенное — «Санта». О самом святителе Николае как будто забыли. Все ждут подарки от Санты. А это, возможно, уже даже и не святой Николай, а так — просто хороший человек, добрый дедушка, но не конкретный, уж слишком почитаемый и вполне реальный исторический герой.

Откуда появилась новогодняя традиция, связанная с Санта Клаусом, и кто был создателем легенды о нем?

У истоков были голландцы. Однажды в XVII столетии (поговаривают, что это случилось в 1626 году) один отважный капитан отправился в плавание по Атлантическому океану из Амстердама в сторону Америки.

Лучше всего это описал выдающийся американский писатель Вашингтон Ирвинг в своем произведении «Ироничная история Нью-Йорка от Дитриха Никербокера» (*Humorous History of New York, by Diedrich Knickerbocker*). Некий Дитрих Никербокер — псевдоним Ирвинга Вашингтона (тоже с голландскими корнями) — посвятил свое произведение истории возникновения первых голландских поселений на территории современного государства Соединенные Штаты Америки, рассказав об этом с легким юмором.

Автор преднамеренно опубликовал свою «Историю» в день святого Николая — 6 декабря 1809 года. В качестве прелюдии он почти месяц проводил рекламную кампанию, чтобы разжечь аппетит общественности. Сыграл здесь свою роль и псевдоним Никербокер, так как это имя буквально означает «Детский пекарь». Иронизировал он над Нью-Йоркским историческим обществом, с которым у него были непростые взаимоотношения.

По мнению автора известных трудов, посвященных Санта Клаусу, американского исследователя Чарльза У. Джонса (*C. W. Jones. Knickerbocker Santa Claus*), «Ирвинг присоединился к Обществу при составлении “Истории”, по-видимому, для сбора материала... Но тот, кто пришел посмеяться, остался молиться. Как пишет биограф Ирвинга, профессор Стэнли Уильямс, процесс написания этой милой сатиры заинтересовал автора в изучении истории, так что из-под его пера в конце концов вышли его Колумб, Астория и Вашингтон (перечисляются главные труды Вашингтона Ирвинга. — *К. К. - С.*). Он также

